

Михаил Соколов

Конец русского радикального национализма?¹

Эта статья строится вокруг одного-единственного тезиса, который можно представить следующим образом. Разновидность идеологии, которую с наибольшими основаниями можно назвать «русским радикальным национализмом в строгом смысле этого слова», была за последние несколько лет практически полностью вытеснена с идеологического рынка. Как следствие этого — политические организации, однозначно идентифицировавшие себя с нею, после 2000 г. или сошли со сцены, или сменили публичную риторику, а иногда и название. Примерами могут служить Русское национальное единство, две «Русские партии» (Юрия Бондарика и Владимира Милосердова), две Народно-республиканские партии России (Юрия Беляева и Николая Лысенко), Русское освободительное движение и многие другие, когда-то широко обсуждавшиеся как основная угроза демократии в России, а ныне прочно забытые (детали о них можно найти в [Верховский, Прибы-

**Михаил Михайлович
Соколов**
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

¹ Статья основана на докладе, прочитанном на Первом региональном конгрессе ICCEES в Берлине 4 августа 2007 г. Автор благодарен всем принявшим участие в его обсуждении.

ловский, 1996]). Пришедшие им на смену группы отдают предпочтение другим разновидностям правой идеологии — белому расизму, православному религиозному фундаментализму, разным формам геополитического империализма (самой известной из которых является евразийство Дугина), наконец, «государственничеству» (см. ниже) — но не национализму как таковому.

«Национализм в строгом смысле слова»

Этот аргумент можно оценить, только договорившись о том, что следует считать «национализмом в строгом смысле этого слова». Литература, посвященная этому вопросу, необъятна. Определение, которое предлагается ниже, не является, безусловно, лучшим для всех практических целей, но позволяет с наименьшими затратами времени продемонстрировать то, что автор хотел бы продемонстрировать.

В центре любой идеологии, которую мы квалифицируем как «правую», лежит вера в безусловную ценность определенной (предположительно, существовавшей испокон веков) формы социальной организации, которую эта идеология описывает как находящуюся под постоянной угрозой со стороны процессов модернизации и требующую обязательной защиты¹. Для религиозного фундаментализма этой центральной социальной формой является Церковь с сообществом воцерковленных, для расизма — эндогамная расовая группа, для «государственничества» — государственные институты как таковые, наконец, для этнического национализма — нация, понятая как сообщество людей, объединенных (воображаемым) общим происхождением, культурой и историческим опытом проживания под сенью одних и тех же социальных институтов².

Во многих ситуациях эти идеологические принципы смешиваются, а политическая риторика представляет собой их сочетание, в котором, в зависимости от обстоятельств, превалирует то один, то другой ингредиент. Для русского радикального национализма более чем характерен пример РНЕ, гордившегося своей «идеологической монолитностью», но в действительности использовавшего набор плохо согласующихся между собой систем аргументации (подробный разбор в текстах автора данной статьи: [Соколов 1999; Соколов 2005]).

¹ Это определение вдохновлено работами Михаэля Минкенберга [Minkenberg 2000; Minkenberg 2002].

² Эта классификация в общих чертах совпадает с присутствующей в «Воображаемых сообществах» Бенедикта Андерсона [Андерсон 2001], который противопоставляет национализм расизму, нации — религиозным сообществам веры и национальные идентичности — идентичностям субъектов имперского правления.

Те, кто использует подобные противоречивые аргументы, могут цинично стремиться выиграть от широты своего идеологического репертуара, желая привлечь к себе людей с различными убеждениями, а могут пребывать в искренней уверенности по поводу их взаимодополнительности. Последнее, по всей видимости, является более частым случаем: Раймон Будон на примере социальных ученых показывал, до какой степени даже лучшие умы, посвятившие себя строгому анализу, бывают подвержены «эффекту конвергенции», заставляющему нас верить, что все теоретические соображения, из которых следуют одни и те же практические выводы, как минимум не противоречат друг другу [Boudon 1989]. Члены РНЕ более-менее единодушно верили в необходимость оказывать энергичное сопротивление «власти евреев, производящих геноцид русских». То обстоятельство, что некоторые из них при этом определяли евреев как религиозную общность, другие — как порочную расу, а третьи — как этническую группу, объединяемую не происхождением или религиозной верой, а исключительно стремлением монополизировать выгодные социальные позиции, не мешало им рассматривать друг друга как единомышленников¹. Более того, на мероприятиях организации, которые автор этой статьи посещал, когда занимался ее исследованием, слишком оживленные дебаты на тему правильного определения «русскости» или «еврейскости» пресекались руководством как чреватые потенциальным расколом.

Однако тот факт, что подобные дебаты раз за разом все же возникали, показывает, что результаты идеологического скрещивания никогда не бывают абсолютно устойчивыми и всегда могут быть подорваны. Иногда они подрываются работой интеллектуалов, занимающихся развитием идей и сталкивающимися с логическими несоответствиями. Иногда — интересами политиков, которые ищут удобного случая позиционировать себя, отказавшись от части входящих в превалирующий синтез теоретических конструкций, поскольку те могут их скомпрометировать (или просто потому, что с ними слишком прочно ассоциируются имена других политиков). Наконец,

¹ Многие отечественные исследователи, уверенно выводящие ксенофобию из «эссенциалистского» или «примордиалистского» взгляда на этничность [Малахов 2001], были бы, наверное, поражены, обнаружив, как часто члены РНЕ прибегали к совершенно инструменталистским аргументам в своей риторике. На первой же встрече петербургского РНЕ, на которую пришел автор сих строк, когда работал над дипломом, ему вручили книгу Ушкуйника-Ларикина «Памятка русскому человеку», в которой доказывалось, что современные евреи не являются потомками евреев из Палестины времен Иисуса (и вообще не являются жестко эндогамной группой), а также не имеют никакого отношения к ортодоксальному иудаизму (к нему Ушкуйник и вовсе был вполне благосклонен). Они больше похожи на веберовскую статусную группу, которая поддерживает свои культурные отличия, чтобы не допустить всех остальных к тем социальным и экономическим благам, которые ее члены монополизировали [Ушкуйник 1998].

иногда они подрываются самой политической практикой, ставшей задачей, которые в рамках разных идеологических схем будут иметь диаметрально противоположное решение. Последнее, разумеется, происходит все чаще по мере того, как организация движется к власти, а ее членам приходится облекать свои расплывчатые идеологические постулаты в практические решения. Выиграй РНЕ выборы, ему, вероятно, пришлось бы определиться с тем, кого именно оно считает евреями. Пока же организация могла благополучно избежать обоим острых разногласий по вопросам, представляющим для нее в этот момент чисто академический интерес¹.

Все эти рассуждения подразумевают еще одно аналитически важное различие. Говоря об идеологии, мы можем противопоставить группу, институт или форму организации, которая провозглашается этой идеологией высшей ценностью (иными словами, которая *нормативно релевантна*), и группы, институты или организации, которые в ее картине мира оказываются важными движущими силами (*каузально релевантными*). Эти две категории могут полностью совпадать. Так, для ортодоксального марксиста классы являются основными и, по сути, единственными действующими лицами на исторической арене, причем благо одного из классов провозглашается высшей целью политической борьбы. Однако можно перечислить много случаев, в которых совпадение оказывается не таким полным. Какие-то силы могут присутствовать в идеологической картине мира в качестве «объективно действующих», но при этом не рассматриваться как предмет специальных морально-политических оценок до тех пор, пока они прямо не отражаются на нормативно релевантных объектах. Для большинства российских идеологов «этнические отношения» обладают каузальной релевантностью. Они признаются реально существующими, потенциально взрывоопасными и требующими специального контроля для поддержания «этнического баланса». Однако только для меньшинства последовательных националистов они являются и нормативно релевантными, но меньшинство считает, что поддержание (желательного для своей группы) баланса есть не только средство, но и цель политики. Для остальных баланс важен технически как способ

¹ Правые идеологии в этом отношении мало отличаются от всех прочих. В любой области идеологического пространства нам приходится наблюдать, что совмещение трудно совместимого может оказаться невероятно устойчивым, несмотря на очевидные логические нестыковки. Большинство людей (в том числе большинство интеллектуалов) продолжают использовать понятия «правовое государство» и «демократия» едва ли не как синонимы, несмотря на то, что любой политический философ легко объяснит, почему они указывают на совершенно разные и иногда прямо конфликтующие идеалы, а категория «либеральной демократии» представляет собой едва ли не оксюморон. Шантал Муфф была среди обсуждавших эту тему в последние годы [Mouffe 2000].

обеспечения стабильности политических институтов, постоянства экономического роста или даже как гарантия соблюдения индивидуальных прав и свобод¹.

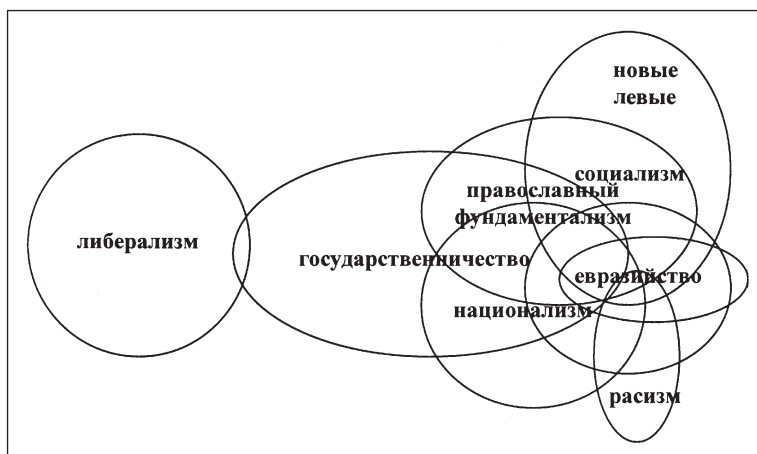
Меры, принимаемые для поддержания подобного баланса в конкретных ситуациях, вовсе не выглядят безобидными (вспомним хорошо известные случаи мотивированных соображениями «сохранения этнического баланса» депортаций) и часто квалифицируются критиками как «националистические» сами по себе. Однако в некоторых исследовательских контекстах различие между этнической дискриминацией, которая осуществляется как средство для достижения высших целей, и этнической дискриминацией, которая превращается в высшую цель сама по себе, существенно. Именно это, видимо, позволяет нам пролить свет на парадокс, который привлекал внимание многих исследователей. Как получается, что среди населения, до такой степени проникнутого этническими фобиями, радикально-националистические организации не имеют сколько-нибудь существенной поддержки? Люди, верящие в значительный вред, происходящий от этнических мигрантов, могут, как ни странно, последовательно отказываться поддерживать партию, которая объявляет своей основной целью защиту «коренного населения», и не только по причине «спутанности сознания». Они могут делать это потому, что этническая дискриминация (даже если она, как им кажется, принесет лично им какую-то пользу) будет иметь отрицательные последствия для других институтов и солидарностей, важность которых ставится ими выше своей пользы. Любопытно, кто когда-либо брал интервью на соответствующие темы, вероятно, сталкивался с людьми, которые сетовали на засилье «кавказцев», но при этом выступали против введения какой-либо государственной дискриминационной политики, поскольку верили, что последствием этой дискриминации будет сепаратизм, ставящий под угрозу государственную целостность.

Для классификации идеологий я здесь использую именно нормативные релевантности. Националисты — это не просто те, кто верит в объективное существование наций и этнических групп как особых сущностей, имеющих собственное сознание и интересы. Националисты верят в то, что нации являются высшей ценностью. И именно их доля российского идеологического рынка драматически сократилась за последнее десятилетие.

¹ Подобное различие требует существенной модификации, когда используется применительно к наиболее интеллектуализированным новым левым движениям, которые сознательно стремятся к политизации любых «технических соображений».

Сегментация рынков идеологий

Несмотря на потенциал для разногласий, на протяжении 1990-х гг. в России все разновидности правой идеологии мирно уживались, как уживались они и с совершенно чуждыми им социалистическими концепциями. Идеологический рынок 1990-х гг. подразделялся на два основных сегмента: потребителей либеральной риторики, которой пользовались правящие «демократы», и потребителей риторики «красно-коричневой» оппозиции, которая представляла собой смесь «государственнических», националистических, религиозно-фундаменталистских и социалистических идей. Графически эту одномерную поляризацию отражает рис. 1.

ПРАВЯЩАЯ ГРУППА

ОППОЗИЦИЯ

Рис. 1. Идеологическое пространство 1990-х гг.

Некоторые внутренние напряжения, готовые при подходящих условиях вылиться в дифференциацию, могли быть прослежены и в этот период. Внутри и вокруг организаций, которые стремились сидеть одновременно на националистическом и религиозно-фундаменталистском стульях, регулярно вспыхивали дискуссии о том, следует ли принимать в организацию еврея, если тот захочет в нее вступить. В 1999–2001 гг. автор наблюдал, как эта тема оживленно обсуждалась на мероприятиях питерского РНЕ (поскольку локальная организация уже тогда двигалась в сторону воинствующего православия, ответ, как правило, был положительным). Точно так же Баркашов написал несколько статей¹, в которых осуждались те, кто ставит Государство выше Нации (судя по указаниям в тексте, этот рито-

¹ Например, позднее дважды перепечатанный в партийном «Русском порядке» «Национализм или патриотизм» [Баркашов 1997].

рический выпад был направлен против соперника Баркашова — генерала Стерлигова). Тем не менее «красно-коричневая» оппозиция 1990-х гг. благополучно закрывала глаза на все эти основания для идеологических расколов¹. Этот период (в особенности его начало) был отмечен всплеском активности в создании всевозможных политических коалиций и зонтичных организаций, проведении митингов и основании изданий, привлекавших участников, сторонников, авторов и читателей, принадлежавших, казалось бы, к самым разным политическим течениям. В Русском национальном собрании состояли практически все политические лидеры, которые не считались отпетыми «демократами». Все политически активные читатели, которые себя к ним не относили, просматривали «День» («Завтра») и оплакивали «жертв переворота 3—4 октября».

Положение начало постепенно, но, видимо, необратимо меняться незадолго до 2000 г. Идеологическое единство оппозиции раскололось, а разные версии правой идеологии встали в жесткую оппозицию друг к другу. Так, большинство групп скинхедов, информация о которых стала за последние 10 лет доступной благодаря их текстам или данным милицейских/журналистских расследований, идентифицировало себя с «Белой расой», видело себя непосредственными продолжателями дела европейских нацистов, рассматривало западных (прежде всего германских) правых как основной объект для подражания и определяло главного противника в расовых («кавказцы»), но не в культурных или национальных терминах. «Русская нация» или «русское государство» нигде не проникают в это, по сути, глубоко интернациональное мировоззрение. Желание быть с «Белой расой» выливается в шаги, которые должны были бы привести убежденного «красно-коричневого» 1990-х гг. в ужас. Некоторые из ориентированных на скинхедов групп типа «Партии свободы» Юрия Беляева или ННПР Иванова-Сухаревского фактически призывают к борьбе против собственного государства и отказу от важнейших символов национальной самобытности.

Вот лишь несколько примеров. Подобные группы были первыми и единственными организациями, которые публично высказались в поддержку антимосковских выступлений «оранжевых революционеров» в Украине (долгое время большую часть пространства на главной странице сайта Иванова-Сухаревского занимал призыв «Русский, учи украинский!»). Это

¹ Исключение составляли некоторые (в целом крайне немногочисленные тогда, как и сейчас) неавторитарные левые — радикальные экологи, анархисты и другие. Однако значительная часть идентифицировавших себя с ними все же сочла возможным примкнуть к Национал-большевистской партии, которая принципиально приветствовала в своих рядах всех оппозиционеров, включая откровенных нацистов.

неожиданное, на первый взгляд, выступление вполне вписывается в общую линию: правые радикалы расистского толка приветствовали движение части «славянских братьев» в объединенную Европу и прочь от «азиатского влияния» Москвы. Именно среди подобных групп, особенно локализованных на Северо-Западе европейской части РФ (Петербург, Новгород, Псков, Петрозаводск), получили распространение сепаратистские взгляды людей типа Алексея Широпаева, призывающих свергнуть «монголо-московитское иго» и переписывающих официальную версию национальной истории таким образом, что основные герои патриотов типа Александра Невского превращаются в расовых предателей и злодеев¹.

Разумеется, с этой идеологической позицией ни православный религиозный фундаментализм, ни евразийство, ни «государственничество» уже не совместимы. Последовательные расисты выбыли из «красно-коричневой» коалиции 1990-х гг. Сходное движение, хотя и в совершенно другие стороны, проделывали и все остальные идеологические сегменты правой сцены, причем некоторые из них обратили готовность к поиску компромиссов на своих бывших либеральных оппонентов. Идеологическая эволюция НБП здесь особенно показательна. С 2001 г. партия Лимонова искала (вначале довольно неуверенно, а после 2003 г. все энергичнее) союза с либеральной оппозицией. Но чтобы союз, на данный момент воплотившийся в «Другой России», стал возможным, Лимонову пришлось расстаться с расистскими и националистическими нотами в своих публичных выступлениях [Соколов 2006]². Сходную эволюцию несколько раньше проделал его бывший соратник по НБП Александр Дугин, которому пришлось отказаться от (публичных, во всяком случае) упоминаний об идеологическом синтезе для право-левой оппозиции, над которым он работал в 1990-х гг., чтобы получить комфортное кресло рейхс-идеолога при Администрации Президента.

Но самым глубоким и важным был процесс постепенного обособления «государственничества» — разновидности правой идеологии, которая в данный момент доминирует в России. Специфика «государственничества» не вполне оценена многими исследователями русского национализма, которые стремились видеть в нем то ли разновидность андерсоновского

¹ Как это происходит, например, в книге Широпаева «Тюрьма народов: Русский взгляд на историю России» (см. один из основных сайтов этого течения <www.rusrepublic.ru/>).

² Значительно менее известны инициативы по созданию идеологической формулы, которая допустила бы политическое объединение расистских правых и либералов. Тем не менее некоторое притяжение, основанное на желании обеих сторон «жить в Европе, а не в Азии», существует. Примером организации, поставившей на возможность подобного идеологического слияния, стало Национальное движение «Народ» героя «Маршей несогласных» Сергея Гуляева.

имперского национализма, то ли отражение тоски по сильной патерналистской заботе со стороны государства. Однако «государственничество» не является ни тем, ни другим, по крайней мере, не только тем и не только другим. Национализм видит в государстве выражение воли нации к суверенитету, средство, гарантирующее ее выживание и процветание. «Государственничество» рассматривает нацию как средство к укреплению государства. Государство, граждане которого объединены сильными национальными чувствами, может рассчитывать на их лояльность перед лицом угроз или посулов со стороны других государств. В этом смысле, например, сохранение национальной культуры может не служить самоценному обретению национальной идентичности, но быть лишь средством избежать замаскированных идеологических влияний со стороны источников, предположительно подконтрольных другим государствам.

Эти идеологические построения иногда напоминают влиятельные теории национализма Хобсбаума или Тилли, утверждавших, что у истоков любого национализма лежат интересы политических элит [Hobsbawm 1989; Tilly 1994]. «Государственник» с ними полностью согласится. Разница в делаемых на этих основаниях политических выводах. Хобсбауму казалось, что нарисованная им картина дискредитирует национализм. Для «государственника», однако, она скорее его реабилитирует, хотя и диктует несколько снисходительное отношение к убежденным националистам. С точки зрения, определяемой влиятельными теориями национализма, для того чтобы националистические чувства стали возможными, правда об их истинных истоках должна быть надежно спрятана. Вряд ли герой-националист — рассуждают их сторонники — станет совершать какой-нибудь эффектный подвиг, если будет знать, что образ сообщества, во имя которого он приносит себя в жертву, есть лишь результат идеологических махинаций политических элит. Герой-государственник считает себя способным на самопожертвование в подобной ситуации, несмотря на ясное осознание им этого факта — в некотором смысле именно благодаря ему.

Пользуясь введенными выше терминами, можно сказать, что для «государственника» государство нормативно, а нация лишь каузально релевантна. Не будучи нормативно релевантными, безопасность и особый статус русской нации или РПЦ часто признаются желательными с государственной точки зрения. В государственнической картине мира есть место для «государствообразующего народа» и «традиционных религий», играющих особую роль в сохранении государства. Иногда признается даже, что государство некоторым образом в долгу пе-

ред некоторыми этническими или конфессиональными группами. Они не становятся, однако, от этого высшей ценностью, и их интересы могут быть легко и без внутренних затруднений отодвинуты на второй план. «Государственничество» в его чистой форме несводимо и к чисто утилитарным надеждам на защиту и поддержку со стороны «Большого Брата», как предполагают теории патернализма. Как и национализм, оно подразумевает бескорыстное служение.

Что такое «государственничество», легче всего пояснить, сославшись на любимый драматический конфликт современной идеологически выдержанной российской массовой культуры. Главный герой (разведчик, военный, честный сыщик, дипломат) обнаруживает, что государство, которому он верно служил, предало его (или потому, что пожертвовало им в какой-то политической игре, или, чаще, из-за измены или некомпетентности его непосредственного начальства). Перед ним встает выбор между самосохранением (и мстью) — и следованием долгу, несмотря ни на что, причем моральное превосходство выбравших второй путь обычно безоговорочно признается автором. По этому принципу построены бесчисленные книжки из серии «Спецназ ГРУ» (главный герой «сдан» боевикам в ходе грязных политических игр, но продолжает борьбу, предотвращая почти неизбежный теракт и мстя попутно за погибших друзей) и кинофильмы типа «Штрафбата» (герои — жертвы сталинского режима, встающие под его знамена, когда над государством нависает опасность). Особая роль в идеологической кристаллизации современного «государственничества», кажется, была сыграна «военно-исторической» литературой советского периода типа романов Валентина Пиккуля. Легко заметить, что подобный конфликт регулярно возникает и в произведениях западной массовой культуры, но он почти никогда не решается в пользу стоической лояльности (возьмем, например, классического «Профессионала» с Бельмондо или недавнего «Лучшего стрелка»). Характерны дискуссии, вызванные недавними фильмами, герои которых не выбрали верность своему государству любой ценой («В круге первом» по роману Солженицына и «Свои» Месхиева).

Понятое таким образом, «государственничество» в 1990-е гг. было одной из идеологий оппозиции и смешивалось с национализмом, советским социализмом или религиозным фундаментализмом до такой степени, что воспринималось участниками антилиберального движения как неотъемлемая часть всего этого. Режим Путина, однако, резко изменил ландшафт пространства политической борьбы (рис. 2). «Государственничество» было отобрано у оппозиции, причем люди, занимавшиеся экспроприацией (прежде всего известные журна-

листы типа Максима Соколова и Михаила Леонтьева), всячески заботились о том, чтобы оно было очищено от всякого рода примесей: национализма, расизма (и сам Путин, и те, чьими устами режим, предположительно, говорит, всегда были неизменно критичны к идеям типа «Россия для русских») и советского социализма. Фактически к настоящему времени оно заняло в качестве официальной идеологии место либерализма, который, напротив, превратился в оппозиционную риторику.

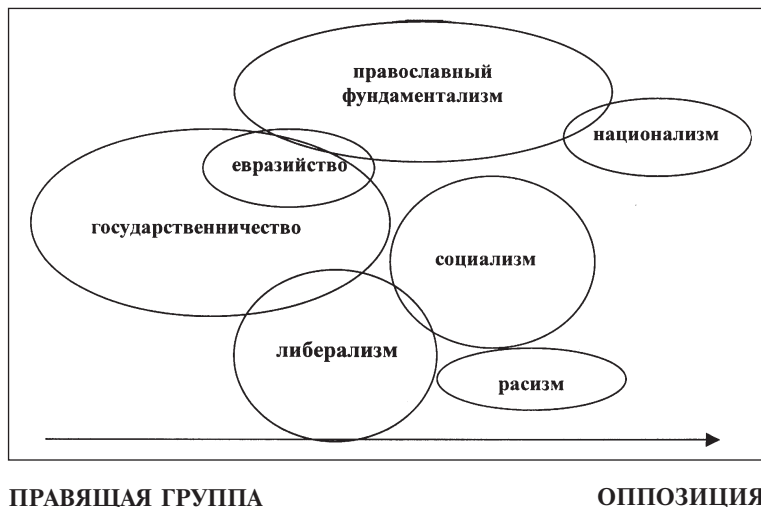

Рис. 2. Идеологическое пространство после 2000 г.

Рассуждая по исторической аналогии, мы могли бы предположить, что по мере того как представители режима стали использовать другую риторику, на смену старому «красно-коричнево-му» фронту 1990-х придет новый оппозиционный альянс. Этого альянса, однако, не возникло. Попытки взаимодействия между некоторыми идеологическими сегментами продолжаются, но, как правило, они не приводят ни к каким долгосрочным результатам. Есть некоторое притяжение между либеральными и социалистическими группами, воплотившееся во взаимодействии «Яблока» и всевозможных левых организаций и в консолидаторских усилиях НБП (и даже в предвыборной программе СПС). «Родина» — до исключения Рогозина — экспериментировала с соединением социалистической риторики с откровенным расизмом. Однако никакой программы, организации или действия, которые могли, хотя бы номинально, объединить всех оппозиционеров, не возникло. Более того, между ними начались идеологические конфликты того типа, которые не раздирали оппозицию в 1990-е гг.: организации, представляющие либеральный лагерь, начали активную поле-

мику с православными фундаменталистами, новые левые антифашисты — с правыми скинхедами и т.д.¹

«Другая Россия» объединила либералов с когда-то правым НБП, однако только за счет того, что Лимонов неоднократно дезавуировал свои прежние публичные политические заявления. «Марши несогласных» не посещали критики Путина из числа расистов, коммунистов или православных фундаменталистов. Аналогично самые крупные коллективные действия, которые должны были продемонстрировать единство всех правых радикалов, — «Русские марши» — собрали лишь очень небольшую их часть, в основном расистов. Ни социалистов (за исключением некоторого количества людей из «Родины»), ни «мультикультурных империалистов»², ни сколько-нибудь важных фигур из числа православных фундаменталистов на них не было.

Используя рыночную метафору, которая уже появлялась выше, мы можем констатировать, что характер предложения на российском идеологическом рынке совершенно изменился. Ранее преобладающим товаром была смесь из фрагментов самых разных идеологических систем, а организации и издания не заботились о концептуальной определенности своего профиля. Наоборот, они старались, чтобы ни одна из потенциально подходящих для того, чтобы осудить «режим», концепций не осталась не включенной в их риторику. На смену этому рынку пришел четко поделенный рынок, в каждом из сегментов которого встречались спрос и предложения на специфическую риторику. Расисты больше не соглашались выслушивать обращения к православным только потому, что в заключении оратор выражал ненависть к «режиму», православные не желали слушать коммунистов, а коммунисты — расистов. На место идеологическим винегретам пришло идеологическое раздельное питание.

¹ В 1990-е гг. можно найти примеры силовых столкновений между представителями разных организаций, но в значительном большинстве случаев это были столкновения как раз наиболее идеологически близких групп — так сказать, внутривидовая, а не межвидовая борьба. Несколько столкновений анархистов и «фашистов» также имели место, однако они не были поставлены на постоянную основу и не выливались в перманентные уличные войны, как нынешние столкновения между наци-скинхедами и антифа или судебные тяжбы наподобие тех, которые сейчас ведутся Союзом православных граждан.

² Одним из организаторов Русского марша 2005 г. был дугинский «Евразийский союз молодежи», однако уже в следующем году Дугин и его сторонники открестились от «расистов», маршировавших 4 ноября. В марше приняли участие некоторые депутаты из ЛДПР (в т.ч. Николай Курьянович), позднее из партии исключенные. С 2006 г. на Русских маршах солировали ДПНИ и некоторые идеологически близкие к ней организации.

Заключение: судьба национализма

Автор этой статьи не может предложить ни одной правдоподобной гипотезы относительно того, почему нечто подобное произошло. Несомненно, однако, что радикальный национализм исчез тогда же, когда протекала эта дифференциация. Разные идеологические течения неожиданно оказались в состоянии войны друг с другом, причем относительную силу каждого из них на исходе процесса трансформации идеологического пространства вряд ли можно было предвидеть на его ранних стадиях. Ни наблюдатели, ни участники событий не предвидели того, что случилось с русским радикальным национализмом: после того, как идеологическое предложение националистов окончательно отделилось от идеологических предложений «государственников», оказалось, что спрос на него крайне незначителен.

Есть два возможных объяснения произошедшего. Одно указывает на то, что национализм в чистом виде, возможно, никогда и не пользовался спросом. До тех пор пока он предлагался только в комплекте с другими идеологиями, об этом никто не догадывался. Но после того как некоторые организации и индивиды связали свою судьбу с национализмом в чистом виде, обнаружилось, что лишь очень немного людей готовы за ними последовать. Это объяснение прекрасно укладывается в доминирующую сегодня теорию, утверждающую, что русский/российский национализм всегда был фатально слаб (см., например, [Ноженко 2007]). Согласно другому объяснению, которое предпочитает автор этой статьи, каждая из версий правой идеологии с самого начала пользовалась успехом у одной четко очерченной группы потребителей. До тех пор пока на рынке имелись лишь более-менее унифицированные пакеты идеологической продукции, все вынужденно приобретали одно и то же. После того как предложение стало более дифференцированным, каждая из групп стала интересоваться лишь той риторикой, которая была обращена к ней и только к ней. При этом численность подобных групп не оставалась неизменной, и сокращение или увеличение одной из них отражалось в изменении объема рынка соответствующей идеологической продукции.

Упадок радикального национализма с этой точки зрения есть результат сочетания двух процессов: а) сегментации идеологических рынков и б) изменения абсолютной численности сегментов. Все данные о составе РНЕ (и других организаций, которые в какой-то момент выбрали для себя русский национализм в чистом виде) свидетельствуют о том, их ядро составляли бывшие или действующие военные низших чинов, а также сотрудники милиции и иных силовых структур аналогичного

ранга [Лихачев 2002]. Автор этой статьи утверждал, что сама русская радикально-националистическая идеология в значительной степени отражает социальную ситуацию членов этой группы [Соколов 2005]. В центре идеологии РНЕ была вера в то, что социальный порядок должен быть основан на моральной добродетели простых людей, в самой чистой форме представленной в военном этосе. Евреи — абсолютное зло в их картине мира — определялись, прежде всего, через их склонность к использованию связей и образования, для того чтобы, обманом держа массы в повиновении, сохранять для себя и своих детей наиболее выгодные социальные позиции. Выраженный антиинтеллектуализм, морализаторство, превознесение воинской самоотверженности, скромности и дисциплины, а также одобрение политики, построенной на использовании военной силы, выглядят как идеологическая формула, специально изготовленная как раз для того класса, который был к ней наиболее чувствителен¹.

По всей видимости, около 2000 г. в настроении этой страты произошел коренной перелом. Новый политический лидер оказался гораздо привлекательнее и в каком-то смысле ближе прежнего, уровень жизни постепенно поднимался, а режим вовсе не казался ослабленным врагами — ни внутри страны, ни на международной арене. Автор столкнулся с одним из бывших членов РНЕ в 2002 г. и спросил того, почему он покинул организацию. Тот объяснил свое решение возникшими доверием и симпатией к президенту Путину: «Понимаешь, Путин — он же круче, чем Баркашов!». Легко связать эти процессы с упадком радикального национализма. Люди, которые разделяли подобные убеждения, вряд ли отказались от них полностью под воздействием массовой пропаганды более «цивилизованных» форм государственничества (хотя, наверное, случалось и такое). Однако радикальность их постепенно сокращалась по мере того, как они становились старше, кризис казался все менее острым, а их собственная жизнь — все менее нишей и безнадежной.

Поведение бывших лидеров националистов после 2000 г. отражает отчаянное стремление найти какую-то риторику взамен потерявшей способность привлекать к ним сторонников. Двумя основными путями для них стали расизм и православный

¹ Читатели, вероятно, отметят, что эта разновидность национализма далеко не единственная и что национализм может с таким же успехом быть пацифистской и глубоко элитистской идеологией, обращенной к интеллектуалам. Большая часть ранних европейских культурных национализмов XIX столетия была именно таковой. Почему единственная получившая относительно широкое распространение в постперестроечную эру версия национализма оказалась совершенно иной? Автор не может дать ответа на этот вопрос. Фактом остается то, что бывшие производители радикально-националистической риторики нашли более простым для себя переориентироваться на православно-фундаменталистскую или расистскую аудиторию, но не на потенциальный спрос на иные версии национализма.

фундаментализм. В этом смысле идейные траектории «Памяти» и двух основных осколков бывшего РНЕ (Баркашова и Лалочкиных) весьма показательны — обе организации с 2002 г. полностью отождествили себя с радикальным православием. Другие националистические лидеры 1990-х эволюционировали в иное направление, но также от национализма-в-строгом-смысле-этого-слова. Некоторые из них (Юрий Беляев, Александр Иванов-Сухаревский) находят себя в расистском идеологическом секторе. Нет, насколько известно автору, ни одного примера обратного движения — от расизма или православия к национализму. Было бы рискованно предполагать, что история русского радикального национализма закончена, но в ней определенно наступила пауза.

Библиография

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Баркашов А.П.* Национализм и патриотизм // Русский Порядок. 1997. № 4 (45).
- Верховский А., Прибыловский В.* Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М., 1996.
- Лихачев В.* Нацизм в России. М., 2002.
- Малахов В.* Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001.
- Ноженко М.* Национальные государства в Европе. СПб., 2007.
- Соколов М.* Принципы сегментирования аудитории и идеологический репертуар радикального националистического движения // Телескоп: Санкт-Петербургский журнал социологических и маркетинговых исследований. 1999. № 6. С. 10–18.
- Соколов М.* Национал-большевистская партия: Идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: идеология и настроение. М., 2006.
- Соколов М.* Классовое как этническое: Риторика русского радикально-националистического движения // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 127–137.
- Укшуйник (Лариков) В.* Памятка Русскому человеку. М., 1998.
- Boudon R.* The Analysis of Ideology. Cambridge, 1989.
- Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1989.
- Minkenberg M.* The Renewal of the Radical Right: Between Modernity and Anti-Modernity // Government and Opposition. 2000. Vol. 35 (2). P. 169–188.
- Minkenberg M.* The Radical Right in Postsocialist Central and Eastern Europe: Comparative Observations and Interpretations // East European Politics and Societies. 2002. Vol. 16 (2). P. 335–362.
- Mouffe Ch.* The Democratic Paradox. L.; N.Y., 2000.
- Tilly Ch.* States and Nationalism in Europe, 1492–1992 // Theory and Society. 1994. Vol. 23 (1). P. 131–146.